

АНДРЕЙ АРТЁМОВ

Чехия, Ческе Будейовице

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ТЕХНИЧЕСКИХ УНИВЕРБОВ ЧЕШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

ABSTRACT:

Univerbisation is one of the methods of compressive word formation. In a monolingual environment, it shows itself as a result of the rule of saving the means of expression. When translating and interpreting such univerbs, the examples of the bilingual univerbisation or multiverbisation can be found. This is often related to the translator's competence issue, posing a major challenge for the translator in terms of translatability or untranslatability of such expressions. In this respect, Czech and Russian technical terminology serves as a sample to investigate this problem.

KEY WORDS:

Univerbize – univerbisation – compression – concretisation – multiverbisation – generalisation – sememe – lexeme.

Универбация является одним из средств компрессивного словообразования, занимая важное место в словообразовательной системе современных русско-го и чешского языков, и обогащает их словарный состав новыми лексическими единицами. Принято считать, что универбация в одноязычной среде широко проявляется в разговорной речи. Это связано, прежде всего, со стремлением к экономии языковых средств, с необходимостью быстро и экспрессивно выразить ту или иную мысль. Появившись зачастую случайно (окказионально), возникший компрессивный неологизм проходит апробацию в языке. Позднее возможно попадание такого неологизма в словари и постепенное стирание новизны его семантики и употребления. Подобный процесс может происходить и при переводе с одного языка на другой.

Обращаясь к проблеме перевода технических¹ универбов чешского и русского языков, можно наблюдать целый ряд особенностей, которые сходны с процессами одноязычной универбации, проявляющими себя при переводе мно-

¹ Термин «технический» используется здесь в обобщённом, широком смысле, он касается медицины, съёмочного процесса, движения транспорта и т. д.

гих специфических понятий, многословное выражение которых может быть сжато до одного слова в языке перевода. Здесь также необходимо напомнить о существовании обратного процесса, а именно перевода одного слова двух-лексемным или многолексемным словосочетанием, т. е. поливербации.

Это можно продемонстрировать на примерах словосочетаний из сферы киносъёмки. При создании декораций иногда используют следующие термины:

универбация:	<i>instalace zeleně, ozelenění</i> – озеленение
	<i>pokrytíe kryši mхом</i> – <i>techování střech</i>
поливербация:	<i>sazebnice</i> – наборная доска
	<i>мелкая расстекловка</i> – <i>zasklení malými skly</i>

Тенденции к универбации или поливербации проявляют себя при переводе под воздействием различных причин.

Прежде всего, стоит отметить необходимость и желание переводчика, соблюдая системно-семантические связи, сохранить эксплицитность переводимого наименования. Здесь можно наблюдать несколько тенденций. Во-первых, это необходимость перевести слово, обозначающее понятие, до сих пор не встречавшееся в целевом языке, например:

miškování – терапия, основанная на использовании мячей;
sroj – каждый отдельный выезд транспортного средства на маршрут.

При этом объясняющая синтаксическая единица (в данном случае русского языка) в целях переводимости подвергается поливербационным тенденциям. В контексте она зачастую снова сокращается, становясь универбом (у приведённых семем это может быть «*мячетерапия*», *выезд*²). При этом частично теряется связь с изначальной мотивировкой, нарушается эксплицитность, а универб приобретает ряд семантических особенностей целевого языка (к примеру, соотносясь с другими значениями выбранного слова, входя в семантико-синтаксические и грамматические связи с другими словами на основе изначальных значений выбранного слова и т. д.). Как мне кажется (на основе наблюдений и переводческого опыта), при проявлении вышеописанного процесса чешский язык ведёт себя более гибко нежели русский, создавая большее количество существительных-универбов, в русском же – сильно проявляет себя тенденция по образованию новых семем на основе прилагательных, входивших в состав многолексемного выражения (*mobilní telefon/mobil*, *мобильный телефон/мобильный*, последнее время реже: *мобильник*). Кроме того, кодификация новых универбов происходит в чешском языке значительно быстрее, чем в русском, в котором словари фиксируют универбы с опозданием. Во-вторых, можно столкнуться с проблемой перевода реалий или понятий, которые чаще связаны с чешской действительностью (хотя могут присутствовать и в российской), некоторые из которых иногда стоит переводить поливербом (например, *podloubí* – слово, обозначающее по сути *проходные аркады, расположенные*

2 К примеру И. П. Глотова указывает, что «общее и необходимое свойство компрессивов – соотносительность их с комплексным наименованием как реально бытующим, так и потенциально возможным» [Глотова 1977: 4].

на первом этаже домов и перекрывающие тротуар, по типу аркад гостинных дворов, или же русское слово *подстаканник*), поскольку в целевом языке нет однозначного однословного эквивалента. Но на практике это очень неудобно, поэтому при переводе приходится отказываться от некоторых важных коннотативных составляющих. Безусловно здесь будет сказываться и влияние функциональности текста, необходимость сохранить стопроцентную точность термина или отсутствие таковой. К примеру, с большим трудом можно точно перевести термин *přívaznost*, используемый в сфере транспорта.

Основой номинации универбов могут служить разнообразные мотивационные признаки, отражающие особенности реалий объективной действительности. При проявлении двуязычной универбации происходят изменения в отношении мотивировки. Когда речь идёт о реалиях, происходит либо заимствование (что, как правило, не связано с универбацией), либо приспособление слова, обозначающего понятие-реалию (в таком случае проявляются универбационные или поливербационные тенденции). У заимствованных слов и выражений в стадии недавнего заимствования ранее не существовавшего понятия мотивировку зачастую стоит искать в семантике лексем иностранного языка. В дальнейшем при «одомашнивании» слова или выражения, а также при превращении поливербов в универбы «прозрачная», «логичная» мотивировка может становиться всё «менее логичной», может теряться, становясь всё менее объяснимой и восстанавливаемой только на основе этимологического анализа. Например, термин, обозначающий профессию, связанную со съёмками фильмов: *dolly grip* – *дольщик*, в определённой степени потерял связь со своей изначальной мотивировкой (*дольщик* ← *дóля* ≈ *podílník*). В данном слове фактически срослись уже существовавшая форма слова с абсолютно новым содержанием, причём в данном случае процесс возникновения новой семемы развивался от фонетической формы английского слова.

О формальной мотивировке можно говорить и в случае, когда новый предмет, новое изделие, товар, новое явление названы по названию компании, которая их создала или начала производить в качестве первой или монополиста (*шведская стенка* – *ribstol*).

В двуязычном проявлении универбация сильно связана с контекстом, с количественным фактором употребления, со стилистикой текста. И здесь переводчик вновь может столкнуться с проблемой переводимости – непереводимости реалий. Ярким примером служит слово *маршрутка*, которое в документах приходится оставлять в «первозданном» виде (*maršrutka*), иногда поливербизируя его в подстраничных сносках. Данное явление никак не проявилось в чешской действительности, тем не менее в специализированных текстах, предназначенных для русскоязычных пользователей, такое слово можно найти, поскольку его поливербизация выглядела бы менее эксплицитно, чем сам универбизированный вариант «маршрутное такси», поэтому и в чешских специализированных текстах это слово заимствуется. В данном случае можно говорить и о взаимном воздействии языков друг на друга, что в последнее время проявляется в меньшей степени, в единичных вариантах.

Универбационные и поливербационные явления при их изучении в межъязыковом проявлении вызывают целый ряд вопросов, ответы на которые помогут глубже проникнуть в формирование системно-семантических особенностей лексики каждого из исследуемых языков, к лучшему пониманию изучаемого языка, приведут к более оптимальным способам двуязычной лексикографической обработки лексики.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

KNITTLOVÁ, D. (1995): *Teorie překladu*. Olomouc.

KUFNEROVÁ, Zl. a kol. (1994): *Překládání a čeština*. Jinočany.

MAN, O. (1978): Otázky ekvivalence v odborném překladu. In: *Překlad spoločenskovedných textov*. Bratislava.

ŽVÁČEK, D. (1998): *Úvod do teorie překladu*. Olomouc.

ГЛОТОВА, И. П. (1977): К вопросу об универбации. In: *Вопросы стилистики*.

ДЖУЛЬЕТТА ЛАГОДЕНКО

Россия, Белгород

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА

ABSTRACT:

The paper covers problems of translation of precedent texts with ethnic specified markers. Specific features of semantics of these precedent texts influence option of their correspondence in the course of translation. The process of translation in this case is complicated by incomplete reproduction of a situational sense that causes the difference of emotional reactions of recipients.

KEY WORDS:

Perception of the world – cultural markers – precedent texts – adequate transmission of sense.

Принадлежность к разным культурно-языковым сообществам является потенциальной причиной несостоявшейся коммуникации, так как она обуславливает как различия в средствах выражения и их интерпретации, так и в способах выражения и восприятия.

При переводе текста следует учитывать не только объективные коннотации, общую систему прессупозиций, но также субъективное умение интерпретировать текст и извлекать из него определенные импликации. В связи с этим основная сложность перевода прецедентных текстов заключается в том, чтобы сохранить ассоциацию, благодаря которой реакция адресата перевода будет соответствовать реакции адресата текста на исходном языке.

Согласно классификации В. В. Красных прецедентные феномены могут быть: 1) социумно-прецедентными; 2) национально-прецедентными; 3) универсально-прецедентными [Красных 1997]. Распределение прецедентных текстов по данным группам зависит от того, в какое когнитивное пространство они входят: коллективное, национальное или универсальное, соответственно.

Традиционно, анализ переводов прецедентных текстов этих трех групп показывает, что перевод первой и второй групп требует больших «переводческих мук», в то время как третья группа не вызывает никаких затруднений. Но зачастую, именно прецедентные тексты третьей группы содержат в себе подвод-

ные камни, препятствующие адекватному пониманию прецедентной ситуации. Рассмотрим переводы прецедентных текстов данных групп:

Jewish dissidents are our potential fifth column here, Sam. [N. Demille, The Charm School, 215] – *Еврейские диссиденты – наша потенциальная «пятая колонна» здесь, Сэм.* [Н. Демилль, Без права на пощаду (Школа обаяния)]

Термин «пятая колонна» принадлежит испанскому генералу Э. Мола, командовавшему армией националистов в ходе гражданской войны 1936–1939 годов. Пятой колонной называлась агентура генерала Франко. В настоящее время этот термин употребляется для обозначения любых тайных агентов врага – диверсантов, саботажников, шпионов. Как мы видим, данное прецедентное высказывание переводится на русский язык абсолютным эквивалентом. Вместе с тем, нельзя не согласиться, что появление в русском тексте кавычек ориентирует русского читателя на то, что это выражение не стоит воспринимать буквально. На наш взгляд, такое графическое оформление можно считать удачной переводческой находкой в связи с тем, что данная фраза не получила такое же широкое распространение, которое она приобрела в американской культуре благодаря одноименному названию романа Э. Хемингуэя.

He was right, she had turned into a madwoman. Now all she needed was a house full of cats... Perhaps tomorrow she would buy those cats. [C. Ahern, P.S. I love you, 257]

Он прав. Она действительно превратилась в сумасшедшую. Осталось только завести полный дом кошек. ... Да, завтра она отправится покупать кошек. [С. Ахерн, P.S. Я тебя люблю].

Для русскоязычного читателя данная ситуация не является прецедентной, но несмотря на это, она вполне понятна, хотя и не до конца открыта как для англоязычного читателя, хорошо знакомого с содержанием известной детской книги «Дом, полный кошек» Китти Хиггинс. Это объясняется тем, что лексема «полный» не передает ту атмосферу, которая царила в доме главной героини мисс Дурбин, которая решила приютить у себя 204 кошки. Различие в объеме и качестве коннотативной информации оригинала и перевода приводит к тому, что эмоциональные реакции получателей этих предложений будут несколько отличаться [Шаховский 2008: 331].

Затруднения могут вызывать и универсально-прецедентные высказывания, так как инварианты их восприятий могут не только совпадать, но и значительно разниться. Претендующей на статус универсально-прецедентной представляется нам следующая прецедентная ситуация, восходящая к тексту известной немецкой сказки «Король-лягушка» (“The Frog King”), переложенной братьями Гримм, где по сюжету лягушка после поцелуя избалованной принцессы превращается в прекрасного принца.

‘Now you can get out there and find a nice guy.’...

‘How many frogs am I going to have to kiss first?’ she asked, looking worried. She seriously questioned her own judgement.

'A few. We all did. If you get warts on your lips, you can always get them taken off.'

'I'm not sure I have the courage to do a lot of this. It really hurts,' she said honestly [D. Steel, Dating Game, 250].

Пэрис вздохнула:

– Самое ужасное, что я больше не доверяю собственным суждениям. Сколько мне сначала придется жаб поцеловать?

– Нескольких, – невозмутимо ответил Бикс. – Все мы через это прошли. Если на губах вскочат бородавки, то теперь их легко удаляют.

– Боюсь, у меня смелости не хватит проходить через это снова и снова. Это ужасно больно, – честно призналась она [Д. Стил, Игра в свидания].

Известно, что инвариант восприятия прецедентной ситуации представляет собой «совокупность дифференциальных признаков самой прецедентной ситуации. Данная совокупность может быть более простой или более сложной, иметь большее или меньшее число элементов» [Красных 2003: 178]. В нашем случае ситуация кажется, на первый взгляд, достаточно простой, с единственным дифференциальным компонентом – в русской сказке лягушка после поцелуя принца превращается в прекрасную принцессу. Но при более детальном рассмотрении на поверхность всплывают и другие факты – поцелуев должно быть много и некоторые из них могут привести к образованию бородавок. Фраза *"You have to kiss a lot of frogs before you find your handsome prince"* достаточно распространена в англоязычной культуре и нацелена на поддержку женщин, у которых возникают любовные проблемы. В этом фрагменте отражается достаточно типичное, на наш взгляд, отношение (представление) американцев к поиску партнеров: не надо отчаиваться, надо пробовать, а если не получилось, то ничего страшного, можно продолжать поиски. Очевидно, что в русском лингвокультурном сообществе такой подход не приемлем, поэтому согласно сказке лягушка может быть только одна и на всю жизнь. Не облегчает жизнь переводчику и проблемы с бородавками. Несмотря на то, что у русских тоже существует поверье, что от прикосновения к лягушке могут образовываться бородавки, но эта тема не нашла у нас метафорического продолжения в отличие от американской культуры, где образование бородавок связывают именно с поцелуем лягушки и они ассоциируются с любовными неудачами. Данная тема достаточно популярна, о чем свидетельствуют как книги с названиями подобными *"Kiss a Frog, You Get Warts: the First Practical Guide to Romantic Love"*, так и различные веб-сайты, на которых вам советуют избавиться от многовековой традиции перецеловывать большое количество лягушек, в надежде найти своего единственного принца и избавляться от таких парней, которые могут быть причиной образования «бородавок»: *So dump those toady guys who are giving you warts.*

Следовательно, прецедентность на любом уровне может иметь потенциальную возможность «квазипрецедентности». В этой связи для осуществления межкультурной коммуникации переводчик должен, прежде всего, обратить внимание на культурологическую специфику прецедентного феномена и

решить, возможно ли перенести данный текст в культуру адресата без существенных семантических изменений, смены образности, и какие преобразования исходного текста допустимы для успешного коммуникативного акта, что, безусловно, требует дополнительных межкультурных исследований.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КРАСНЫХ, В. В. (2003): «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК Гнозис.
ШАХОВСКИЙ, В. И. (2008): Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис.

Люция Маттова

Словакия, Братислава

ПЕРЕВОД ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ. РОЛЬ И ХАРАКТЕРИСТИКА ФАКТОРА МЕЖКУЛЬТУРНОСТИ

ABSTRACT:

The aim of this paper is to reflect how intercultural differences may impact the process of translation of Russian drama into Slovak. This is not an attempt to define all possible factors influencing translation and its existence in particular target national literature and culture but based on some pieces of drama translated into Slovak in the period 1997–2008 to highlight how different cultural tradition may be reflected in particular translation of drama and how such translation may influence existence of drama in the “foreign” literary and cultural context.

KEY WORDS:

Drama – translation – intercultural dialogue – multicultural society.

1. Введение

Целью настоящего доклада является рассмотрение проблематики межкультурности, ее роли и характерных черт в такой форме, в какой их можно обнаружить в драматических текстах, переведенных с русского на словацкий язык. При этом следует отметить, что данный доклад не претендует изучить данную тему в целом или ее исчерпать, а только рассмотреть факторы межкультурности и ее формы в таком виде, в каком их можно найти и исследовать в русско-словацком межкультурном диалоге, осуществляющемся в течение последних десяти лет посредством перевода драматических текстов.

В качестве исследовательского материала для настоящего доклада было использовано несколько современных русских драматических текстов, опубликованных в словацком переводе в прошлом десятилетии в разных книжных изданиях или журналах, а именно произведения «Кислород» И. Вырыпаева, «Ехай!» и «Поле» Н. Садур, «Летит» О. Мухиной.

2. Аспект межкультурности

Процесс глобализации и миграция культурных архетипов, моделей, символов и ценностей из одной культуры в другую неразрывно связаны с во-

просом межкультурного диалога и его влияния на определенное социально-культурное пространство. Эту проблематику можно считать одним из самых ключевых вопросов современного мультикультурного сообщества. П. Либа делает акцент на том, что отсутствие одной универсальной культуры и имплицитное взаимодействие отдельных национальных культур влечет за собой наличие аспекта межкультурности во всех сферах человеческой деятельности [Либа 2004: 10–13], так как «ни одна культура не существует изолированно» [Грушевицкая 2002: 12].

Посредством межкультурного и мультикультурного диалога осуществляется перенос «чужих» элементов в «свою» культуру. В результате активного диалога между двумя культурами возникает напряжение между двумя системами – «домашней» (т. е. «своей») и «чужой» системой.¹ Л. Вайдова делает акцент именно на том, что наряду с процессом переноса «чужих» элементов в определенное культурное пространство необходимо обратить внимание на процесс интеракции обеих систем и их взаимоотношений, которые являются результатом отдельных взаимоотношений между оригиналом и переводом [Вайдова 2004: 317]. Следовательно, межкультурный диалог является причиной возникновения процесса обогащения домашней системы «чужими» элементами, но одновременно с этим процессом осуществляется и модификация «чужого», которое с момента переноса в другую систему вынуждено существовать в совершенно других пространственных или временно-пространственных условиях. Итак, наличие оппозиции «чужое» – «свое» в определенной системе вызывает начало процесса интеграции «чужого» и обогащения «домашней» системы. Основные причины межкультурных различий являются результатом различий в мироощущении реципиента. Грушевицкая при этом делает вывод о том, что «наличие локальных культур является закономерной формой существования всей человеческой культуры в целом» [Грушевицкая 2002: 11].

3. Перевод как культурный трансфер и инициатор культурного диалога

Современные тенденции в транслятологии наглядно показывают, что перевод в наше время является не только языковым трансфером, а более комплексной категорией. Анализируя проблематику процесса перевода, многие теории перевода и переводчики художественных произведений все чаще говорят о переводе как о трансфере культурных ценностей, мыслей и идей.

Если считать перевод носителем и инициатором миграции культурных знаков и элементов, потом вопрос межкультурности можно понимать как один из ключевых (даже доминирующих) вопросов в современной транслятологии. Эта идея выражена и в работе А. Червенияка, в которой он подчеркивает, что перевод литературных произведений (т. е. трансфер художественных архетипов оной культуры в другую) стал в современном обществе средством изучения «чужого» с целью превратить их в «свое». Червенияк делает вывод о том, что художественный текст является системой знаков, икон или символов че-

¹ Напряжение между «своей» словацкой и «чужой» русской системами.

ловеческой ситуации в мире [Червенияк 2004: 93]. По мнению Либы, перевод – это событие восприятия („гесерčná událost“) и при этом можно добавить, что перевод – это событие восприятия новых форм, методов или культурных фрагментов разного типа.

Многие ученые и историки подчеркивают, что словацкая культура и литература уже с давних времен отличалась тенденцией быть открытой литературой с повышенной долей наличия переводной литературы и поэтому в словацком культурном пространстве существовала и до сих пор существует богатая традиция принимать «чужие» культурно-литературные элементы с целью обогащения «домашней» системы. [Либа 2004: 14].

Согласно А. Хутьковой, трансляция представляет собой особую форму коммуникации [Хутькова 2004: 377]. Коммуникация посредством трансляции – это один из многих видов интеркультурной коммуникации, которую можно определить как более общую категорию или как господствующий термин в теории об интеркультурной коммуникации.

Ввиду того, что предметом настоящего доклада является перевод драматических текстов, необходимо принять во внимание, что драма отличается несколькими особенностями. Одной из особенностей драматических текстов считается дихотомический характер драмы и многократность интерпретации ее перевода. Драматический текст является не только литературным, но и театральным артефактом. Драма представляет собой, с одной стороны, основу для драматического произведения, реализующегося в форме спектакля в театре, но, с другой стороны, драма – это составная часть литературы (драма как род литературы наряду с лирикой и эпикой или драма как литературный жанр в противопоставлении к комедии). Итак, если говорить о переводе драматических текстов как об акте межкультурной и межлитературной коммуникации, следует считать дихотомический характер драмы одним из ключевых факторов данной проблематики и ее функционирования в обеих системах.

4. Аспект межкультурности – проблематика современных переводов драмы с русского на словацкий язык

Анализируя аспект межкультурности в переводе художественного текста необходимо учитывать, что адресат перевода располагает другой точкой зрения и другой культурно-социальной информацией, вызывающей несходные ассоциации у реципиента текста оригинала и перевода. Перевод – это не только замена языкового кода, а перенос произведения в полностью изменившуюся (т. е. «чужую», «незнакомую», иногда даже «экзотическую») культурно-социальную конкретность. Степень чуждости определяют многие факторы и в зависимости от этих факторов меняется и то, каким образом реципиент воспринимает «чужую» литературу, так как чуждость можно считать одним из признаков перевода [Вайдова 2004: 321]. Культурный перенос проявляется на всех уровнях текста, но прежде всего в способе обработки определенной темы, возникающих у читателя ассоциациях или в способе восприятия юмора. При анализе перевода с русского на словацкий язык необходимо принять во внимание именно историко-политические и социально-культурные факторы

русско-словацкого взаимоотношения и динамику изменений в их взаимоотношениях на протяжении их существования.

Русско-словацкие взаимоотношения отличаются богатой традицией. Начало возникновения живых контактов было связано с появлением идеи общеславянской взаимности и она продолжается до сих пор (хотя ввиду сложившихся международных отношений после 1989 года эта традиция приобретает разнообразные второстепенные коннотации и оценки). Особое место в развитии русско-словацких отношений занимает период социализма, в течение которого сложились интенсивные политические, социальные и общественные отношения, которые повлекли за собой возникновение ярких социально-культурных парадигм, благодаря которым в течение нескольких десятилетий в словацком литературно-культурном пространстве создавалась высокая степень культурно-общественной «совместимости» наряду с историко-географической близостью и традицией культурных контактов. Словацкий язык и культура, вследствие доминирующей в это время позиции переводов с русского языка, обогащаются посредством перевода многими новыми лексемами, ссылающимися на разные культурные артефакты и реалии. Радикальное направление словацкой культурной и литературной жизни на Запад после 1989 г. и развитие более интенсивных и многосторонних литературно-культурных диалогов влекут за собой необходимость переводчика сосредоточиться на новые проблемы, вытекающие из изменившейся социально-культурной обстановки. Из этого можно сделать вывод, что в течение XX века русско-словацкое взаимоотношение прошло радикальными изменениями (для которых характерны колебания в пределах «свое» – «чужое»).

Удаление культурных контактов и взаимоотношений проявляется в переводе ясной тенденцией к экспликации и при наличии в тексте оппозиции «свой» – «чужой» часто используется натурализация как способ переводческого решения данной проблематики. Переводчики драматических текстов (не только современных) сталкиваются с повышенной степенью экзотичности, чувствуемой в русском тексте словацким реципиентом (степень экзотичности зависит от возраста и жизненного опыта реципиента, темы и т.п.). Если обобщить отношение словацких издательств и драматургов к текстам русского происхождения в течение последних лет, можно сказать, что современные русские тексты считаются зрителем мало привлекательными и часто противоречивыми. С другой стороны, классическая русская драма занимает в словацкой традиции иную позицию, и в течение последних двадцати лет у словацких режиссеров наблюдается тенденция добавить при помощи современной концепции классическим пьесам новый облик (пьесы А. П. Чехова или Н. В. Гоголя). Говоря о русской драме в словацкой культуре, необходимо подчеркнуть, что «чужое» в тексте русской драмы отличается потенциалом привлечь массы, так как элемент экзотичности в настоящее время высоко актуален, но коннотации, связанные с русским прошлым часто могут играть негативную роль при восприятии русской драмы словацким адресатом.

Анализируя оригиналы и переводы вышеупомянутых драматических текстов, словацкий перевод которых возник в течение периода 1997–2008 гг., мы обнаружили несколько типов трансферов, связанных с культурными особенностями двустороннего русско-словацкого межкультурного диалога. Говоря о потенциальных носителях чуждости, мы разделили эти трансферы на несколько групп, причем соблюдение равнозначности воздействия текста оригинала и перевода считается основным требованием. Цель этого доклада – не перечислить все типы культурных трансферов, с которыми можно встретиться в данном типе текста, а только указать самые яркие примеры русско-словацких межкультурных различий и их формы в исследованных переводах драматических текстов, возникших в определенный нами период.

С отдалением культурных русско-словацких контактов появляется и вопрос, как решать ситуации при несовместимости или асимметрии двух культур. Из итогов исследования вытекает, что в общем можно применить два способа решения данной проблематики: субституция «чужого» «своим» (пример № 1) или сохранение «чужого» (пример № 2, № 3).

Пример № 1:

*И если нет у тебя дорогого платья, то **сарафан** из цветов, всегда можно сшить самой.* [Вырыпаев, с. 3]

*A ak nemáš drahé šaty, kvetovanú **sukňu** si môžeš ušit' aj sama.* [Малити, с. 9]

Русская реалия «сарафан» была в примере № 1 заменена более общей и нейтральной лексемой «sukňa» (т. е. юбка), несмотря на то, что возможно было использовать эквивалент „sarafán“, который в словацком литературном языке существует и является заимствованием из русского. Используя такое решение, переводчик в своем переводе потерял не только культурную симптоматичность оригинала и его региональный колорит, но одновременно произошла замена смысла предложения, так как лексема „sukňa“ не является функциональным эквивалентом «сарафана». Вот именно!! зачем переводить экзотизмы которые известны словакам? И потом если уж переводить, то «сарафан» это „šatová sukňa“.

Пример № 2:

***Совхозное** картофельное поле....Вы какие-то странные... **совхозники**.*

[Садур, с. 1]

*Zemiačnisko **sovchozu** ... Naozaj ste čudní ... vy **sovchozníci**.* [Руппелдтова-Андрашова, с. 9–10]

Пример № 3:

*А уже землей она поклялась, когда ее рвало от водки с **пельменями** ...*

[Вырыпаев, с. 4]

*A na zem prisahala, keď ju napínalo z vodky s **pelmeňmi** ...* (Малити, с. 99)

В примерах № 2 и № 3, несмотря на жизненный опыт читателя, переводчик сохраняет элементы «чужой» культуры, несущие такие коннотации, которые сможет декодировать лишь реципиент, знающий культуру исходного текста.

При несоблюдении только одного из принципов и при отсутствии одной ясной переводческой стратегии может произойти смешение культурных артефактов, которое вызывает у читателя перевода нежеланные ассоциации (пример № 4). В нижеприведенном примере словацкая лексема „čaja“ ассоциируется с определенным регионом Словакии и в комбинации с географическим уточнением, находящимся в тексте (город **Ленинград**), вызывает неадекватные коннотации. Слова с отношением к определенному региону часто связаны с конкретными ассоциациями читателя, которые могут в сознании читателя перевода отсутствовать или вызывают ассоциации другого характера.

Пример № 4:

*Моя **девчонка** всю неделю хорошо себя вела.*

*Моя **девчонка** отвечала за серьезные дела.*

*И вот теперь награда – **грибы из Ленинграда**.*

*Любимая, ты рада? **Грибы из Ленинграда**.* [Вырыпаев, с. 10]

*A moja **čaja** mi celý týždeň dobrotu sekala.*

*Fakt moja **čaja** sa tento týždeň dobre štýlovo chovala.*

*Tak daj na moju radu – **jedz hríby z Leningradu**,*

*Aj ja mám z nich náladu, z **tých hríbov z Leningradu**.* [Малити, с. 7]

Частым источником чуждости в тексте перевода являются не только географические наименования и городские реалии, вызывающие у реципиента исходного текста конкретные ассоциации, часто отсутствующие в сознании реципиента перевода, но и собственные имена, которые считаются особой переводческой проблемой. Многочисленные ласкательные варианты собственных имен, используемые русскими, не всегда понятны и словацкому реципиенту. Эти варианты представляют собой потенциальный источник непонятия текста словацким адресатом (в нижеприведенных примерах № 5 и № 6 показаны два из возможных варианта обращения к Александру, хотя словацкому реципиенту требуется объяснить, что Саша и Санек – это один и тот же человек).

Пример № 5

*Ты че, **Санек**, блядь, охуел, ты че сделал то, блядь?! [Вырыпаев, с. 2]*

*Ty kurva, **Saňok**, ty, čo si to spravil?! [Малити, с. 2]*

Пример № 6

***Саша** любит **Сашу**.* [Вырыпаев, с. 3]

***Saša** ľúbi **Sašu**.* [Малити, с. 3]

Пример № 7 представляет собой демонстрацию культурной несовместимости. Русское имя Саша считается мужским именем, хотя Сашей можно назвать и женщину. Словацкое имя Саша – женское и поэтому словосочетание „**s mužským menom Saša**“ в словацком переводе является неадекватным, так как имя „**Saša**“ вызывает ассоциацию с женским именем.

Пример № 7

*Но зато, одна моя знакомая, девушка с **мужским именем Саша**, за свою короткую жизнь, уже два раза клялась небом, и один раз землей.*

[Вырыпаев, с. 4]

No zato jedna moja známa, dievčina s mužským menom Saša, počas svojho krátkeho života už dvakrát prisahala na nebo a raz na zem. [Малити, с. 3]

С удалением культурных контактов связана и проблематика толкования намеков на разные общественно-культурные явления в тексте драмы. Интертекстуальность является не раз основным вопросом при определении переводческой концепции и потенциальным средством чуждости.

Пример № 8

Мы говорим об идеальном мужчине? Все мужчины говорят, что так не бывает ... «Совершенно такой», как сказала Ассоль в Алых парусах. [Мухина, с. 113]

Rozprávame sa ideálnom mužovi? Všetci muži tvrdia, že taký neexistuje. ... „Presne taký“, ako povedala Assol v Purpurových plachtách. [Малити, с. 213]

Пример № 9

И жизненный путь – очень суровый. И возвышенный. Без сентиментов. И без поблажек. Здесь всегда было людям тяжело жить. И Юрию Долгорукому. И Александру Невскому. [Мухина, с. 51]

Aj životné osudy sú tu veľmi drsné. Ale aj vznešené. Bez sentimentu. A bez zhovievavosti. Tu mali ľudia vždy ťažký život. Aj Jurij Dolgorukij. Aj Alexander Nevskij. [Малити, с. 218]

Особое свойство (не только) современных драматических текстов – это многочисленные ссылки на «третью» культуру. Термином «третья культура» понимаются такие культурные артефакты, присутствующие в тексте оригинала и являющиеся чужими для культуры оригинала и для перевода. При этом следует сделать акцент на том, что оппозиция «чужое» – «свое» имплицитно находится уже в исходном тексте драмы и одинаковую оппозицию желательно перенести в текст перевода (см. намеки на американскую и исламскую культуру в примере № 10).

Пример № 10

А если следовать этой логике, если безумие сравнивать со свиньей, а джихад с любовью, то выходит, что лопата рассекающая голову некрасивой женщины, есть не что иное, как меч Аллаха, карающий неверную за поедание свиных котлет, а вовсе, не сельхоз орудие, с помощью которого копают картофель и избавляются от ненавистных жен. Хотя на самом деле, все на свете происходит от двух вещей: от безумной любви, то есть от любви такой силы, что она делает человека безумным; и от жажды воздуха, ибо, если окажется человек на сто метровой глубине Баренцова, и скажут ему, что для того, чтобы дышать и выжить надо разрубить лопатой свою жену в огороде, то так он и сделает, а кто осудит его за этот поступок, тот либо никогда не любил, либо никогда не задыхался, впрочем, любовь и удушье суть одно и то же, а если ты не знаешь об этом, то тогда, вообще, не произноси таких слов,

как Ислам и Нью-Йорк, потому что, только безумной любовью можно оправдать безумную ненависть и наоборот. [Вырыпаев, с. 8]

Ak sa nechám viesť touto logikou a budem prirovnávať „šialenstvo“ k bravčovému mäsu a džihád k láske, tak potom lopata, ktorou rozseknú hlavu škardej ženy, nie je nič iné než Alahov meč, trestajúci „nevernú“ za konzumáciu bravčových fašírok, a vôbec to nie je poľnohospodárske náradie, používané na vykopávanie zemiakov a zbavenie sa nenávidených manželiek? Hoci v skutočnosti všetko na svete sa deje pre dve veci: kvôli šialenej láske, teda láske takej sily, že človek od nej stráca rozum; a kvôli potrebe dýchať, pretože ak sa človek dostane do stometrovej hĺbkky Barentsovho mora a povedia mu, že na to, aby dýchal a prežil, treba rozsekať lopatou vlastnú ženu na záhrade, tak to aj urobí, a ten, kto ho odsúdi za taký čin, buď nikdy neľúbil, alebo sa nikdy nedusil. Mimochodom, láska a dusivosť sú jedno a to isté, a ak to nevieš, tak potom vôbec nevyslovuj také slová ako „Islam“ a „New York“, lebo iba „šialenou láskou“ možno zdôvodniť „šialenú nenávisť“. [Малити, с. 6]

В современных текстах все чаще использованы слова и иногда целые предложения, написанные не на языке оригинала; это явление – не новизна в литературе, а отражает только социальные связи и отношения в определенном обществе. Чем был французский для Пушкина, то является английский для современного писателя. Итак, в современных текстах более всего находятсЯ ссылки на западную культуру, часто на иностранном (прежде всего на английском) языке. В переводе на словацкий возможно использовать две основные возможности – транскрипцию согласно произношению (см. примеры № 11, 12) или сохранить английское написание (см. примеры № 13, 14), причем транскрипция в этом случае влечет за собой элемент повышенной степени разговорности, который не всегда свойствен и исходному тексту.

Пример № 11

Ахтунг, ахтунг, лисен ту ми, слушай сюда! [Садур, с. 6]

Achtung, Achtung, listen to me, počúvaj ma! [Руппелдтова -Андрашова, с. 15]

Пример № 12

Даже случай с окном и собакой – все правда. Булив ми. [Мухина, с. 2]

Dokonca aj príhoda s oknom a psom je úplne pravdivá. Believe me. [Малити, с. 165]

Пример № 13

Зарплата тысячи долларов, весь из себя такой ладный, какой-то дуджей. [Мухина, с. 12]

Plat tisíc dolárov, od hlavy po päty dokonalý, bol to nejaký didžej. [Малити, с. 175]

Пример № 14

«Бу-Су-Эйч». [Мухина, с. 19]

Bí Sí Ejďž. [Малити, с. 184]

Заключение

В заключение настоящего доклада по итогам проведенного нами исследования следует сделать вывод, что драматические тексты ввиду своего характера и способа отражения сущности более всего зависят от сложившихся межкультурных отношений в обществе. Переводческий подход к определенному тексту зависит не только от целей и намерений переводчика, но и от предполагаемой реализации текста драмы. При реализации перевода на сцене в форме спектакля перечень факторов, оказывающих влияние на процесс толкования драмы адресатом перевода, с одной стороны, расширяется, но, с другой стороны, важность отдельных факторов значительно меняет свою роль.

В результате проведенного нами анализа мы указали лишь на несколько возможных областей, которые могут играть важную роль в «виртуальном» диалоге между автором текста драмы и реципиентом перевода данной драмы и которые следует принимать во внимание во время перевода текста (не только современной) драмы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ČERVENÁK, A. (2004): Neekvivalentné javy ako prekladateľský problém doby. In: *Preklad a kultúra*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. 218 s. ISBN 80-8050-703-1.
- FERENČÍK, J. (1982): *Kontexty prekladu*. Bratislava: Slovenský spisovateľ. 152 s.
- HUŤKOVÁ, A. (2004): Translácia ako špecifická forma komunikácie. In: *Súčasná jazyková komunikácia v interdisciplinárnych súvislostiach*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici. 510 s. ISBN 80-8055-979-1.
- LIBA, P. (2004): Preklad a kultúra. In: *Preklad a kultúra*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. 218 s. ISBN: 80-8050-703-1.
- MUCHINOVÁ, O. (2008): Letí. In: *Ruská dráma*. Bratislava: Divadelný ústav. 305 s. ISBN 978-80-89369-00-3.
- Myslenie o preklade* (2007) (kol. autorov). Bratislava: ÚSL SAV. 184 s. ISBN 978-80-8101-006-4.
- SADUR, N. (1998): Pole. In: *Čudná ženská a iné hry*. Bratislava: Aspekt. 183 s. ISBN 80-85549-00-X.
- SADUR, N. (1998): Jachaj. In: *Čudná ženská a iné hry*. Bratislava: Aspekt. 183 s. ISBN 80-85549-00-X.
- VAJDOVÁ, L. (2004): Preklad ako recepčný problém. In: *Antologie teorie uměleckého překladu (Výběr z prací českých a slovenských autorů)*. Ostrava: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta. 344 s. ISBN 80-7042-667-5
- VYRYPAJEV, I. (2005): Kyslík. In: *Vlna*. Roč. 7, č. 22, s. 98–107.
- ВЫРЫПАЕВ, И.: *Кислород*. URL: <http://www.vyrypaev.ru/piess/11.html>
- ГРУШЕВИЦКАЯ Т. Г. – ПОПКОВ В. Д. – САДОХИН А. П. (2002): *Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов*. (Под ред. А. П. Садохина). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 352 с. URL: <http://www.countries.ru/library/intercult/mkk.htm>
- МУХИНА, О.: *Lemum*. URL: <http://www.theatre.ru/muchina>
- САДУР, Н.: *Поле*. URL: http://www.theatre-studio.ru/library/sadur_n/pole.html
- САДУР, Н.: *Ехай!* URL: http://www.theatre-studio.ru/library/sadur_n/ehaj.html

МАРГАРИТА МЛАДЕНОВА

Болгария, София

В САМОМ ДЕЛЕ!, КАК ГОВОРИТСЯ

ABSTRACT:

The paper deals with translation of Russian, Czech and Bulgarian idioms containing verbs from the semantic field of possessivity on materials from literary text discourse in three novels (a Russian, a Czech and a Bulgarian one) and the respective translations of these novels into the other two languages. Translatability of the idioms is considered. As a rule, the idioms are rarely translated through an idiom containing a verb of possession in the target language. The pragmatic factors in the semantics of the original idiom are of major importance for choosing the idiom in the target language.

KEY WORDS:

Contrastive study of Russian – Czech and Bulgarian – idioms – translation – pragmatic factors – semantics of the verbs of possession *иметь/имам/mit*.

Проблема переводимости и непереводаемости – один из вопросов, которые интересуют переводчиков с самого начала переводческой деятельности вообще. Еще в древние времена, когда славянская письменная культура создавалась на основе переводов с греческого, первых славянских книжников интересовала проблема, как надо переводить: «по словам» или «по смыслу». Теоретически они чаще всего отдавали предпочтение переводу «по смыслу», но конкретные решения каждого перевода своеобразны и специфичны у каждого переводчика. С тех пор прошло более тысячи лет, переводческая теория и практика непрерывно обогащаются, но все еще нас интересует проблема: Возможно ли перевести с одного языка на другой все, или ограничивает нас не только стилистическая характеристика слов, но и языковой узус, в рамках которого иногда возникают и получают широкое распространение выражения с практически десемантизированными с современной точки зрения словами?

Для нас интересна эквивалентность при переводе фразем или фразеологических сочетаний, содержащих посессивные глаголы в русском, чешском и болгарском языках, у которых собственная структура практически не связана с семантикой отдельных составляющих слов. Речь идет о сочетаниях, которые употребляются исключительно на основе прагматических условий, обуслав-

ливающих их (довольно абстрактную) семантику. Лингвистический материал исследования почерпнут из переводов трех оригинальных произведений на русском, чешском и болгарском языках и их переводов: **М. Булгаков** «Мастер и Маргарита» и его переводы на болгарский и чешский языки, **Ј. Hašek** „*Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*“ и его переводы на русский и болгарский языки, **Д. Димов** «Тютюн» и его переводы на русский и чешский языки. Нас интересуют прежде всего современные глаголы, которые происходят от праславянского глагола *jъměti: р. *иметь*, ч. *mít* и б. *имам* и являются в современных языках ядром лексико-семантического поля посессивности, как и связанные с ними непосредственно каузативные глаголы: р. *дать, брать/взять*, ч. *dát, brát/vzít* и б. *дам, взема*, которые по своей семантике находятся недалеко от центра этого поля.

Мы уже имели возможность сравнить употребление глагола *иметь* в трех языках [Младенова 2008] и констатировали, что в чешском языке он наиболее продуктивен при возникновении фразеологизмов, при этом не только новых, но и уже традиционных для XX века. Поэтому не странно, что в чешском материале выделилось и большое количество фразем, возникших на основе глагола *mít*. Кроме большого количества сочетаний типа ч. *mít hlad, mít radost, mít rád*, в которых общая семантика формируется на основе первичного значения имени существительного, выделяются фраземы-идиомы, у которых самостоятельная семантика отдельных составляющих полностью трансформируется и целое сочетание выглядит на первый взгляд как асемантическая комбинация типа ч. *mít za to, že*. Все эти, почти идентичные, чешские выражения появились в результате перевода русских выражений, которые не так тождественны, но в принципе выражаются одним глаголом типа *verba cogitandi*: р. *полагать, считать, знать* (*тот, кто еще недавно полагал, что...; и все знали, что...; мы будем считать, что...*). Перевод этих выражений на болгарский язык очень близок к русскому оригиналу – целая семантика отражается одним глаголом – б. *смятам, зная* (*който доскоро е смятал, че...; и всички знаеха, че...; ще смятаме, че...*), но появляется и одно исключение, где чужая мысль-предположение выражается не глагольным предикатом, а наречием предположения – **сигурно** *някаква група заминаваше на екскурзия*.

Среди идиомов нашего типа есть и возникшие на основе специфически грамматикализованных употреблений основного посессивного глагола – в чешском языке с модальным значением обличительности, а в болгарском – с темпоральным значением отрицательного будущего времени. Здесь выделяется самая большая группа – 21 случай ч. *Co má tohle znamenat?* с различными вариантами порядка слов. Интересно отметить, что в русском оригинале, от которого переведены чешские варианты, выражение *Что же это такое?* и его варианты появляются только 8 раз, *Что все это значит?* – 2 раза, *Черт знает что такое!* – 2 раза, а дальше разные фраземы-средства выражения недоумения или возмущения употреблены однажды: *В самом деле!; Что означает вся эта петрушка с Ялтой?; Что такое?; что же это делается? Ась?; Ну, что же это за...!; Как же так?; В чем дело?; И что ж это...; А отчего этот*

дъм там, на булваре?; ведь это, подумать только. Очень любопытно, что болгарский переводчик больше придерживался оригинала, чем чешский, и его решения ближе к оригиналу М. Булгакова: *Но какво значи това?* употребляется 6 раз на месте р. *Что же это такое?*, так как в русском языке *Что же это такое?* может выражать как недоумение, так и возмущение, болгарский переводчик очень четко выделил выражения возмущения б. *На какво прилича това?* – 4 раза, но появляются и б. *Що за безобразие?* (р. *Да что ж это такое?*), *Срамота!* (р. *Что такое?*), *Как така?*, *Какво има?* (р. *В чем дело?*, 130). При переводе на чешский язык глагол *mít* появляется и в форме *Ale so vás petá* прежде всего как перевод р. *Что вы, что вы* (б. *Но моля ви, моля ви!*), но кроме того и р. *О, какой вздор!* (б. *О, що за глупости!*).

Очень интересны с точки зрения посессивности переводы р. *Вот и дочертихался*, где в русском оригинале появляется только один глагол, в то время как в чешском переводе *A ted' to má!*, а в б. *Ето на, получи си го*; в чешском используется ядерный глагол *mít*, а в болгарском – глагол *получа*, в обоих переводах глаголы являются частью семантического поля посессивности и в то же время – интересующих нас идиомов со значением возмездия за какие-то поступки. Еще более свободны переводы русской фразы *Знай ведьму, знай!*, где только в чешском появляется глагол *mít* в сочетании ч. *Tumáš*, которое вне контекста можно перевести указательным р. *вот* и б. *ето*. Ни в одном из переводов нет возможности употребить такого компактного выражения как в русском оригинале, и оба переводчика постарались найти семантический эквивалент за счет краткости: *Tumáš, ať víš, co umí čarodějnice!*; *Seга ще ти покажа какво значи вещица!*

Самый интересный пример из русского оригинала *Еще бы в своем употреблении мотивирован чисто прагматически и хотя сам не содержит глагола иметь*, в его болгарском переводе появляется глагол *имам* (*Има си хас!*), который мотивирован экзистенциальным значением болгарского безличного *има*. Однако вследствие семантической неясности слова *хас* целое выражение употребляется как восклицание с самой общей семантикой логичного следствия какого-то действия. В чешском переводе употребляется на этом месте ч. *To teda ne*, которое не то что не содержит посессивного глагола, но прямо указывает на логичность отсутствия чего-то, которая видна только из более широкого контекста.

В романе Д. Димова «Табак» подобных употреблений меньше в связи с характером текста, где гораздо реже появляются условия для удивления и возмущения. Именно такая семантика больше всего позволяет употребить идиомы, содержащие посессивные глаголы. Один из немногих примеров возмущения и одновременно удивления не содержит *имам* в оригинале б. *Туй то!* и в р. *Вот те на!*, но в чешском появляется снова демонстративное значение глагола *mít* в ч. *Tu máš, čerte, krpáč*. В болгарском оригинале появляется идиом на основе экзистенциального значения болгарского *има*: *Какво има, татко?* (ч. *Co se děje, tatínku?*; р. *Что случилось, папа?*), где на месте болгарского экзистенциального *има* появляются глаголы со значением 'происходить': б. *Имаше и друго*; р. *И еще одно*; ч. *A pak ještě něco*. Как показывают примеры, семантически

болгарское экзистенциальное *има* очень близко по своей семантике русским и чешским глаголам *быть/být* или глаголам со значением ‘происходить’. Иногда проявляется и обратный случай – перевод б. *Това е глупост!* переводится на р. *Глупости!*, а в чешском переводе появляется посессивный глагол: *Co zase máš?* Только в чешском глагол *mít* употреблен при обозначении состояния алкогольного опьянения: б. *усещаше съвсем ясно действието на виното*; р. *как сильно подействовало на нее вино*, а в ч. *že má opravdu trochu v hlavě*; б. *Виното ме хвана* = ч. *Mám už trochu v hlavě* = р. *Мне вино в голову ударило*.

В чешском оригинале Я. Гашека и его переводах на болгарский и русский язык тоже меньше тематических и прагматических условий для появления интересных нас идиомов. Очень интересен перевод ч. *že tam nemá co dělat* = р. *что ему в канцелярии делать нечего*, у которого болгарский переводчик правильно перевел на б. *че не му е мястото там*, хотя по болгарски можно употребить фразу, аналогичную чешской (б. *той нямаше какво да прави там*), но семантика у нее была бы немножко иной – ‘не существует дело, которым бы занялся’, однако переводчиком выбран более точный перевод. Вместо идиоматического выражения оба переводчика старались употребить идиом, хотя и формально совершенно несовпадающий: ч. *s Francií, která má od jedenasedmdesátého roku spadeno na Německo* = р. *с Францией, которая с семьдесят первого года точит зубы на Германию*; с *Франция, която има зъб на Германия още от седемдесет и първа година*. Как видно, в болгарском и чешском вариантах употребляются идиомы с глаголом *mít/имам*, хотя их конкретная реализация неидентична.

Семантическое сближение с основным значением глагола *mít* появляется в ч. *Co z toho má?* = р. *Что толку?* = б. *Струва ли си?*, но оно весьма четко, так что можно считать его смежным случаем между десемантизированными идиомами и фраземами, значение которого основано на первичном значении одного члена фразы. Очень выразительно в трех языках оценивают пьянство: ч. *ten ji má*; р. *Ну и нализался сегодня, нечего сказать*; б. *Ей, че се е нарязал днеска*. Как видно, в каждом языке это значение выражается специфическим глаголом и только в чешском употребляется глагол *mít*, хотя во всех трех случаях первоначальное значение глагола нейтрализовано, и употребление каждого из них для характеристики пьянства можно оценивать как первоначально эвфемистическое.

Упомянутое выше и специфически чешское выражение с указательным значением *Tady máte* появляется и во фразеологических сочетаниях: *Tady máte deset korun*; *Вот вам десять крон*; *Ето ви десет крони*; *Zde máme Švejk*; *Вот Швейк*; *Ето го и Швейк*, но его употребление возможно тоже и для выражения самого общего желания отомстить: ч. *Zabili jste mně strejčka, tak tady máte přes držku* = р. *Убили моего дядю, так вот вам по морде!* = б. *Вие убихте чичо ми – на ви сега по мутрата*.

Интересные отношения между основным глаголом *иметь* и каузативным глаголом *дать* появляются в чешском языке: ч. *Voni neměli dát nic na anđely* – р. *Нечего было обращать внимание на ангелов* – б. *Не трябваше да*

вярвате на ангелите, где *dát na* + Асс. выражает доверие и не имеет ничего общего с общим значением ‘каузировать кого-то иметь’ (ср. [Апресян 1962: 12]). В чешском языке фразеологические сочетания с глаголом *dát* однозначно выражают несколько конкретных значений, не связанных с посессивным значением глагола *dát*: наказание (*Dali – mu – deset – let – před – tejdnem; A dal nám s těmi nežidami co proto*), публикацию в газете (*že se dala jednou do novin*), позволить, допустить чего-то (*Nemyslete si, že máte před sebou nějakého vola, kterež si **dá** všechno nabulíkovat na nos*).

Если в качестве отправной точки возьмем мнение Э. Бенвениста, что глагол *иметь* приобрел новые значения, где его дистрибуция не связана с лексическим значением, а прежде всего с функцией вспомогательного глагола [Бенвенист 1974], то в заключение можно сказать, что наш материал показывает, что во всех трех рассматриваемых языках этот процесс развился весьма специфически – в результате индивидуального развития после праславянского периода. Самая широкая «гипертрофия» глагола *mít* появляется в чешском языке, где в этом процессе принимают участие и каузативные глаголы этого лексико-семантического поля. На основе нашего материала можно подтвердить наблюдение первых славянских переводчиков, что перевод «по смыслу» не только возможен даже в случае употребления идиомов в языке оригинала, но что учет прагматических факторов контекста – главное условие точности перевода и соответственно правильного понимания текста читателем в языке перевода. При этом идиомы даже в близкородственных языках, какими являются русский, чешский и болгарский, как правило, не только не совпадают, но и отдельные подобные элементы в них появляются очень редко.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АПРЕСЯН, Ю. Д. (1962): *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*. Москва: Наука.
- БЕНВЕНИСТ, Э. (1974): Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке. – In: Э. Бенвенист: *Общая лингвистика*. Москва: Прогресс, с. 203–224.
- МЛАДЕНОВА, М. (2008): Глаголът *mít/имам/иметь* в преводи между славянските езици (чешки, български и руски). In: *В търсене на смисъла и инварианта. Сборник в чест на проф. Дина С. Станишева*. София: УИ «Св. Климент Охридски», с. 249–266.

МАРИНА ПАЛУШОВА

Чехия, Оломоуц

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ДРАМА В ЧЕШСКИХ ПЕРЕВОДАХ

ABSTRACT:

The text below deals with the sources of contemporary drama in Russia and the sources of its translations to Czech. It is concerned with individual trends in contemporary Russian drama and some specificity of its translations.

KEY WORDS:

Contemporary – Russian – New drama – sources – translations – trends – specificity of translations.

Статья является частью подготовляемой нами диссертации по теме *Современная русская драма* в чешском контексте. В диссертации определяется *современная драма* приблизительно с начала Перестройки по настоящее время. Более подробно занимается *переводами* на чешский язык Людмилы Петрушевской, Николая Коляды или Нины Садур. В статье обратим внимание на тексты так наз. Новейшей драматургии (некоторыми критиками называемой также *Новой драмой*), которая появилась в России после 2002 г. *Новую драму* мы делим на три основных течения:

1. дети Любимовки (термин М. И. Громовой) (драматурги, которые были обнаружены благодаря сложившемуся вновь фестивалю *современной драмы*),
2. документальная *драма* (*драмы*, написанные техникой *verbatim*, и драматурги экспериментального театра ДОС),
3. театр и *драма* Евгения Гришковца (драматург и режиссер, для творчества которого характерна особая поэтика), отличается от всех вышеупомянутых стилей и тенденций, но его *драмы* приобрели огромную популярность в России и в Чехии.

Сначала коснемся *источников Новой драмы* в России. В 1990 г. Виктор Славкин, Алексей Казанцев и Михаил Рощин основали Фестиваль молодой *драмы* Любимовка. Через 10 лет руководство фестиваля взяли на себя Елена Гремина и Михаил Угаров – с тех пор на этом фестивале организовывались читки пьес

целого ряда сегодня известных уже драматургов, таких как Олег и Владимир Пресняковы, Василий Сигарев, Максим Курочкин, Ольга Мухина и т. д.

С 2002 г. в Москве работает экспериментальный театр DOC, основанный Михаилом Угаровым и Еленой Греминой как площадка документального театра, работающего с аутентичными записями – так наз. техникой Verbatim.

В Тольятти драматург Владимир Леванов основал независимый театральный фестиваль *Новой драмы* «Майские чтения». В рамках фестиваля выпускается одноименный сборник пьес.

В Екатеринбурге с молодыми авторами работает опытный драматург Николай Коляда. С 1996 г. в местном театральном училище он ведет семинар драматургии. В Екатеринбурге существует конкурсный фестиваль молодых драматургов с названием «Евразия». К ученикам Коляды относятся, напр., Василий Сигарев, Олег Богаев, Владимир и Олег Пресняковы.

В 2002 г. Едуард Бояков (директор «Золотой маски» – крупнейшего театрального фестиваля в России) и Елена Гремина основали фестиваль *Новая драма* – в рамках этого фестиваля всегда представляется 10 постановок или чтоток *современных* пьес, избранных выдающимися российскими режиссерами и актерами.

В печатном виде пьесы переводчик может найти либо в выпусках отдельных издательств, которые занимаются изданиями *современной* драматургии («КороваКниги», «Ексмо» и т. д.), в сборниках отдельных фестивалей («Евразия», «Золотая маска»), либо в интернете (существует ряд серверов, где собираются молодые драматурги – напр., петербургский Домик драматургов, сервер *Новая драма* и т. п.).

Чешские переводы *Новой русской драмы* можно найти в нескольких *источниках*: В театральном и аудиовизуальном агенстве Dilia, в литературном и театральном агенстве Auga-Pont, далее *современная* мировая (в том числе и *русская*) драматургия печатается в журналах „Svět a divadlo“ («Мир и театр») и „Splay“, несколько *переводов современной драмы* можно найти также в студенческих дипломных работах. В книжном издании появились только пьесы: „Jak jsem snědl psa“ («Как я съел собаку») и „Současné“ («Одновременно») Евгения Гришковца в *переводе* Власты Смолаковой; „You“ («Ю») Ольги Мухиной, также в *переводе* Власты Смолаковой (издал Театральный институт в эдидии „Současná hra“ («Современная пьеса») в 2002 а 2000 гг.). В этой же эдидии в 1997 г. издана также пьеса российского поэта Йосифа Бродского «Мрамор» („Mramor“) в *переводе* Марины Кастиелловой. Издания сборника *переводов Новой русской драмы* мы пока, к сожалению, не дождались.

В Словакии ситуация немного лучше. В 2008 г. Словацкий Театральный институт издал в эдидии „Nová dráma“ (*Новая драма*) сборник *переводов современных русских пьес*. В сборник вошли пьесы Максима Курочкина: «Кухня» („Kuchyňa“), Юрия Клавдиева: «Пойдем, нас ждет машина» („Poďme, čaká nás auto“), Василия Сигарева: «Волчок» („Vĺčik“), Ольги Мухиной: «Летит» („Letí“) и Ивана Вырыпаева: «Июль» („Júl“) в *переводах* Романы Маллити, Евы Маллити-Франьовой и Петера Керлика. Издание дополняет послесло-

вие американского театроведа Джона Фридмана, который исследует *современную русскую драму*.

В Чехии *переводом современной* русской драматургии занимается ряд переводчиков: с одной стороны, старшее поколение переводчиков (Алена Моравкова: *переводы* Людмилы Петрушевской, Леош Сухаржица (усопший в 2005 г.): *переводы* Ольги Мухины, Власта Смолакова: *переводы* Евгения Гришковца), но прежде всего это поколение молодых переводчиков (ровесников самих авторов). К самым плодотворным относится Тереза Крчалова (Василий Сигарев: «Пластилин», «Русское лото», Олег и Владимир Пресняковы: «Терорим», «Изображение жертвы», Иван Вырыпаев: «Кислород», Ксения Драгунская: «Ощущение бороды» и т. д.), Гана Дроздова (Николай Коляда: «Мурлин Мурло», «Затмение», Нина Садур: «Чудная баба»), Якуб Костелник, Габриела Палыова и т. д. Театральное и аудиовизуальное агенство Dilia решило расширить количество молодых переводчиков *современной* драматургии и в 2007 г. организовало Переводческий мастер-класс, посвященный *переводам драм* с русского языка. Во время работы над *переводами* молодые переводчики (мастер-класс был предназначен студентам филологам и театроведам) встречались со своими тьюторами и перед окончательной сдачей *перевода* они все вместе встретились на семинаре, где представляли и сопоставляли свою работу с остальными. Это отличная возможность попробовать *перевод драмы* и в то же время проверить функциональность этого *перевода* еще до того, как выпустить его в свет. В рамках этого мастер-класса были переведены следующие тексты: Иван Вырыпаев: «Бытие № 2» (пер. Катержина Бенешова), Вячеслав Дурненков: «Три действия в четырех картинах» (пер. Лесия Томчикова), Галина Синькина: «Преступления страсти» (пер. Надежда Короткова), Сергей Калужанов: «Были» (пер. Якуб Каленски), Николай Коляда: «Тутанхамон» (пер. Мартина Палушова) и Людмила Петрушевская: «Бифем» (пер. Катержина Сыкорова).

12-го ноября на Малой сцене «Театра Под Палмовкой» прошли читки переведенных пьес с участием режиссеров разных театров.

Для молодых переводчиков (до 35 лет) существует также переводческий конкурс Иржи Левого, организованный «Ассоциацией переводчиков». Смыслом этого конкурса является поддержка и поиск новых талантов и открытие для них возможности публикации. Конкурс организуется ежегодно всегда в определенных жанровых спецификациях; категория *драмы* не объявляется отдельно, обыкновенно она принадлежит к категории прозы.

Теперь подробнее к отдельным *течениям современной* русской драматургии и некоторым *особенностям перевода* этих пьес.

В так наз. *направлении* дети Любимовки входит целый ряд драматургов. Это широкий спектр авторов – от стихотворных текстов Ивана Вырыпаева до исторически ориентированных пьес Максима Курочкина. Однако в этой статье мы обратим внимание на следующие два *направления*.

Вторым по выразительности *направлением современной* русской драматургии является документальная *драма*, авторы которой сконцентрировались вокруг Театра DOC, для которого характерна работа с техникой *verbatim*. Эта тех-

ника, при помощи которой авторы сочиняют свои пьесы, относится к так наз. *new writing*, и существует с 80-ых годов в Британии¹.

New writing подчеркивает превосходство драматурга над режиссером и требует от постановщиков особых средств выражения. Принцип создания пьесы техникой *verbatim* заключается в монтаже аутентических диктафонных записей. Документальная *драма* возникает в нескольких фазах: 1. наблюдение за окружением, подробное знакомство с ним, 2. запись бесед с респондентами (звукозапись или аудиовизуальная запись), 3. перепечатка «на бумагу» всего записанного материала, 4. подборка и фиксация текстов для будущей постановки. Из этого метода очевидно, с каким видом языка в рамках документальной *драмы* мы встречаемся – язык *драмы* всегда зависит от того, из какой среды данная пьеса происходит: тюремная среда, иммигрантская среда, бомжи, телевизионная ток-шоу и т.д. Кроме того, каждый персонаж говорит на своем собственном языке (в отличие от классической *драмы*, где все персонажи говорят на одном языке – на языке автора). На подобном принципе работает техника *Life game*, когда прямо в ходе спектакля возникает интервью с одним из персонажей, которого (на основе всей полученной информации) представляет актер, перевоплощаясь в своего героя «за него», он отвечает на вопросы зрителей. На чешский язык пока переведена только одна пьеса, возникающая по принципу *verbatim*: «Преступления страсти» Галины Синькиной. *Перевод* Надежды Коротковой возник в рамках переводческого мастер-класса, организованного агентством Dilia. В этом *переводе* ярко проявляются проблемы, возникающие при *переводе* таких пьес. «Преступления страсти» возникли на основе аудио и видеозаписи в женской колонии в Орловской области. Темой интервью режиссера с заключенными являлся вопрос: *Кого в колонию привела роковая любовь?* Язык *драмы* пестрит тюремным жаргоном и вульгаризмами и для переводчика было, очевидно, очень трудно найти подходящие эквиваленты отдельных сленговых терминов или вульгаризмов.

Документальной *драмой* занимался также театр Ложа, основанный в 1990 г. Евгением Гришковцом в городе Кемерово. Однако, после того как Гришковец начал свою сольную деятельность и окончательно переехал в Москву, Ложа распалась.

Пьесы новосентименталиста и новоромантика Евгения Гришковца являются тоже очень специфическими для *перевода*, так как большинство его пьес – авторские монодрамы. Сам автор тоже интерпретирует свои *драмы* в театре. Сценический текст пьесы часто бывает импровизированным, пьеса в таком случае является только фиксацией текстов отдельных спектаклей. Значит, текст часто звучит, как будто автор только «думает вслух», в пьесах прояв-

¹ В Россию ее привез в первый раз The Royal Court Theatre во главе со Стивеном Далдры. (В Москву его пригласили организаторы фестиваля «Золотая маска», первоначально Стивен Далдры должен был приехать вместе с автором *coolness* драматургии Сарах Кейн, однако после окончания своей последней пьесы «Психоз» она покончила с собой. Чтобы заполнить время, посвященное фестивалем презентации Британского театра, Стивен Далдры решил организовать мастер-класс так наз. *new writing*. В рамках мастер-класса возникло несколько первых пьес, написанных этой техникой. С тех пор *new writing* получило большой размах, который завершился первым фестивалем *Новая драма*).

ляются все показатели разговорной речи – повторение, служебные слова как, напр., *вот, вот такой...* и т. п. В пьесах с несколькими персонажами ситуация буквально противоположна документальной драме – каждый персонаж говорит на одном и том же поэтическом языке Гришковца. Уже название его самой известной пьесы – «Как я съел собаку» – задача для переводчика.

Как видно, современная русская драматургия очень разнообразна, и переводы каждой отдельной пьесы требуют индивидуального подхода. Тем не менее, можно найти определенные общие черты некоторых пьес, которые могут облегчить работу переводчика.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- HRDLÍČKA, M., GROMOVÁ, E. (2004): *Antologie teorie uměleckého překladu*. Ostrava: FF OU.
LEVÝ, J. (1983): *Umění překladu*. Praha: Panorama.
LUKEŠ, M. (1987): *Umění dramatu*. Praha: Melantrich.
MORÁVKOVÁ, A. (2004): *Překlad dramatu, Český překlad 1945–2003*. Praha: FF UK.
MOUNIN, G. (1999): *Teoretické problémy překladu*. Praha: Univerzita Karlova, Karolinum.
MUKAŘOVSKÝ, Jan (1948): Dialog a monolog. In: *Kapitoly z české poetiky 1*. Praha: Svoboda.
MUKAŘOVSKÝ, Jan (1948): K jevištnímu dialogu. In: *Kapitoly z české poetiky 1*. Praha: Svoboda.
PAVIS, P. (2003): *Divadelní slovník*. Praha: Divadelní ústav.
VELTRUSKÝ, J. (1999): *Drama jako básnické dílo*. Brno: Host.
VILIKOVSKÝ, J. (2002): *Překlad jako tvorba*. Praha: Ivo Železný.
ДАВЫДОВА, М. (2005): *Конец театральной эпохи*. М.: АНО «Золотая маска», ОГИ.

НАТАЛИЯ ПРОСОЛЕНКО

Чехия, Оломоуц

ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА ЧЕШСКОГО ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОГО ИНТЕРДИАЛЕКТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

ABSTRACT:

The article describes the current linguistic situation in the Czech Republic compared to Russia. It outlines the questions that are typical for translation of the common Czech language as a particular phenomenon that is not represented in the Russian language. It also suggests strategies of translation of texts in the common Czech language to Russian and defines the distinctions of those formations on different language levels.

KEY WORDS:

Common Czech language – translation – linguistic situation – unit of language – strategy of translation – syntax – morphology – phonetics – lexical level.

Данная статья посвящена переводу типичного для чешского языка обиходно-разговорного интердиалекта на русский язык, его особенностям и основным используемым при нем стратегиям.

Интерес к чешскому обиходно-разговорному интердиалекту в настоящее время становится все более актуальным, поскольку он уже широко внедрился в беллетристику и художественный перевод, и можно утверждать, что в дальнейшем данная тенденция будет наблюдаться в еще более значительной мере. Чешский обиходно-разговорный интердиалект совместно с элементами сленга впервые появился в художественном переводе в 20-е годы XX века, что было вызвано необходимостью реагировать на сложившуюся языковую ситуацию. Именно он, несмотря на существование других интердиалектов (например, характерных для Западной и Центральной Моравии) стал практически исключительным представителем живой разговорной речи повседневной жизни. В современных литературных произведениях обиходно-разговорный интердиалект широко используется не только в диалогах, но и в авторском повествовании.

Для понимания чешской языковой ситуации, типичной для наших дней, важно знать то, что на современный чешский язык наложило существенный

отпечаток его возникновения во второй половине XIX века, в период так называемого Национального Возрождения, как признака идентификации складывающегося народного сообщества. Язык был намеренно ориентирован на более старую фазу своего развития, а это привело к тому, что литературный чешский язык производит впечатление некоторой искусственности и не вполне подходит для устного общения. Как следствие, литературный язык стал использоваться для высших функций общения, в том числе и для письменной коммуникации, в то время как обиходно-разговорный интердиалект стал главным орудием повседневной речи. При этом отношение к данному интердиалекту пражского типа (так наз. *obecná čeština*) не одинаково в разных регионах чешскоязычной территории: в Чехии он приемлем даже в официальной обстановке, в отличие от Моравии и Силезии, где в школах, средствах массовой информации и государственных учреждениях предпочтение отдается литературному языку, а обиходно-разговорному интердиалекту отведена роль средства неформального общения. Использование данного интердиалекта вызывает разногласия в том числе и среди лингвистов.

Особенности чешского обиходно-разговорного интердиалекта проявляются во всех планах языка, главным образом в **фонетическом** и **морфологическом** плане, где наблюдаются следующие черты:

- *-ej-* вместо *-y-/-í-* в основе слова (*přemějšlel, zejtra*)
- окончание *-ej* вместо *-ý* в окончании имен прилагательных (*vadnej, hezkej*)
- *-í-* вместо *-é-* (*vlízt*)
- окончание *-ma* в творительном падеже множественного числа (*se svejma hormonama, s kuřatama, s propiskama*)
- окончания *-ej, -aj* в третьем лице множественного числа глаголов (*rachotěj, udělaj*)
- исчезновение *-l* в прошедшем времени глаголов (*nes, řek, dovez, nemoh*)
- присоединение протетического *v-* (*von, dovopravdy, vodrovnalo, vosum*)
- унифицирование форм имен прилагательных в именительном падеже множественного числа (*dobrý sportovci, dobrý sportovkyně, dobrý utkání*)
- укорачивание гласных (*něčím, nevím, ve velkym starým domě*)
- правописание на основе фонетического принципа (*sou, dem*).

Синтаксическое строение текстов в чешском обиходно-разговорном интердиалекте основано на их спонтанности, примарной устной форме и форме диалога, для них типично менее точное строение предложений, более ограниченный набор соединительных средств, контекстовый и ситуационный эллипсис.

Что касается **лексического** плана, можно утверждать, что чешский обиходно-разговорный интердиалект располагает широким набором выражений с экспрессивной окраской.

Таким образом, языковая ситуация, существующая в Чешской Республике, значительно отличается от ситуации большинства остальных европейских языков, в том числе русского, в которых не существует образование, подобное

чешскому обиходно-разговорному интердиалекту, несмотря на то, что в них могут широко употребляться иные нелитературные образования, наречия, диалекты, языки этнических групп, сленг, жаргон и другие социальные диалекты. Поэтому перевод текстов, написанных с использованием чешского обиходно-разговорного интердиалекта, на иностранные языки вызывает огромные затруднения и является серьезной проблемой для каждого переводчика, поскольку найти эквивалент, подходящий с точки зрения всех аспектов (с функционального, с точки зрения содержания и стилистики) в большинстве случаев весьма затруднительно. Очень важно не допустить, чтобы текст потерял свои художественные качества, экспрессивность, выразительность, и при этом не совершить «переинтерпретации» текста в целевом языке. Адекватный перевод чешского обиходно-разговорного интердиалекта требует не только широкого знания языка перевода и оригинала и их культуры, но и находчивости, изобретательности и языкового чутья.

Принимая во внимание тот факт, что в русском языке нет языкового слоя, отвечающего чешскому обиходно-разговорному интердиалекту, при переводе встает вопрос, возможен ли в принципе адекватный перевод данного интердиалекта? А если он возможен, то какое языковое образование, языковая форма или стиль должен быть в таком случае использован? В русской культуре в подобных обстоятельствах, в частности, в неофициальной обстановке, при непосредственном контакте говорящих, используется русская разговорная речь. При этом ее нельзя считать полным эквивалентом чешского обиходно-разговорного интердиалекта. Под термином эквивалентность мы понимаем «максимальную общность содержания двух разноязычных текстов» [Комиссаров 1990: 38]. Русская разговорная речь, хотя и является особенной языковой системой, противопоставленной кодифицированному литературному языку, находится в рамках литературного языка, в то время как чешский обиходно-разговорный интердиалект выходит за рамки литературности.

Вероятно, самым главным с точки зрения переводческой работы является то отличие, что разговорность в чешском и русском языках проявляется в разных языковых планах. В чешском обиходно-разговорном интердиалекте главную роль играют фонетический и морфологический аспекты, а разговорные элементы русского языка, по мнению Г. Флидровой, относятся прежде всего к синтаксическому плану [Флидрова 1992: 35].

Синтаксические особенности русской разговорной речи определяются прежде всего самим характером коммуникации, т. е. непосредственностью контакта между участниками общения. Из этого следует, что для русской разговорной речи характерны простые предложения без осложнений, относительная свобода их построения, неопределенность границ между предложениями, широкое использование неполных предложений, эллипсис, в частности, эллипсис глаголов, фрагментарность предложений, недосказанность, специфические закономерности порядка слов – с целью акцентирования внимания на ядре высказывания, инверсия.

Разговорность в русском языке проявляется в значительной степени и в **лексическом** плане. Для словарного запаса русской разговорной речи характерно наличие слов с самым разным стилистическим значением, к нему относится книжная лексика, термины, собственно разговорные выражения и просторечия. Часто применяются эмоционально или экспрессивно окрашенные выражения, а также выражения с субъективной оценкой, проявляющейся, например, в употреблении суффиксов с уменьшительной или увеличительной окраской.

Важную роль также играют неполнозначные слова, прежде всего частицы (например: *ну, вот, вон, -то, -нибудь, кое-, же*) и междометия (например: *Господи, бах, стук*).

Как мы видим из вышеизложенного, разговорность в чешском обиходно-разговорном интердиалекте и в русском разговорном языке проявляется в разных языковых планах, поэтому полная эквивалентность перевода в данном случае невозможна. Однако мы считаем, что здесь переводчик должен руководствоваться прежде всего фактором функциональной эквивалентности и находить возможности для перевода при помощи иных языковых планов, нежели в языке оригинала. Кроме того, в данном случае мы не считаем нужным соблюдение перевода всех языковых явлений морфологического и фонетического плана чешского обиходно-разговорного интердиалекта на русский язык, поскольку это привело бы к «переинтерпретации» перевода, а в некоторых случаях к излишней экспрессивности и даже вульгаризации переведенного текста.

Часто при переводе не представляется возможным сохранить все специфические детали чешского обиходно-разговорного интердиалекта, поскольку русский язык не располагает возможностями для концентрации подобного количества черт разговорного стиля на сравнительно небольшом отрезке текста. По этой причине мы считаем возможной следующую стратегию перевода: тексту придастся разговорный колорит с помощью определенных языковых средств одного из планов (лексического или синтаксического) или их обоих, при этом переводчик не будет стремиться к переносу каждого элемента обиходно-разговорного интердиалекта из текста оригинала.

Например: ... *já věděla, že vevnitř mě čeká porce nudlí, špinavej hrnec a posměšný posuňky obou sestrěnic, protože ty dvě si vždycky nějaký důvod najdou.* – ... я знала, что внутри меня ждет порция лапши, грязная кастрюля и насмешки обеих двоюродных сестер, эти две всегда найдут для этого какой-нибудь повод. // *Já neměla kde spočinout vzpomínkama, protože ty byly ve Městě, a to bylo za horama.* – Я не могла здесь окунуться в воспоминания, все они были связаны с Городом, а он был за горами. В данном случае элементы морфологического плана чешского обиходно-разговорного интердиалекта были переведены при помощи синтаксического плана русской разговорной речи.

Очевидно, что в некоторых случаях изменения будет невозможно провести в аналогичном слове или даже участке текста, отвечающем исходному, при этом мы считаем приемлемой компенсацию в иной части переведенного тек-

ста, например: *Nemotnejch bylo a bude.* – *Больных было много, а сколько-то их еще будет.*

Таким образом, подводя итоги, мы можем утверждать, что хотя русская разговорная речь не является полным эквивалентом чешского обиходно-разговорного интердиалекта, поскольку ее основные черты проявляются в иных планах, ее можно использовать в качестве функционального эквивалента, придавая тексту разговорный оттенок именно в данных свойственных для нее синтаксическом и лексическом планах.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- FLÍDROVÁ, H. (1992): K specifickým rysům hovorové ruštiny v rovině syntaktické. In: *Informační bulletin ČAR*, č. 4, s. 35–38.
- HRDLÍČKA, M. (2006): Co s obecnou češtinou? In: *ToP*, 2006, č. 79, s. 24–25.
- KRČMOVÁ, M. (1997): *Současná běžná mluva na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia.
- KUFNEROVÁ, Z. (1994): Obecná čeština a slang. In: *Překládání a čeština*. H a H, Jinočany.
- PROSOLENKO, N. (2007): *Fenomén obecné češtiny v literárním překladu. Bakalářská práce*. Olomouc.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (1979): *Русская разговорная речь. Русский язык*. Москва.
- КОМИССАРОВ, В. Н. (1990): *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва.

МАРИЯ ЧИРИКОВА

Чехия, Прага

ТИПИЗИРОВАННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И ИХ ПЕРЕВОДНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

ABSTRACT:

The question of situation models of constructions of commonly spoken language and their translating equivalents.

KEY WORDS:

Situation models – pragmatic problems – spoken language – translating equivalents.

Поиски нового подхода к изучению иностранного языка на уровне коммуникации очень важны для активизации и развития речевых навыков владения не только разговорным языком, но и письменным и устным переводами.

Для достижения максимальной степени адекватности устно-разговорной формы текста на языке перевода необходимо прежде всего изучить вопросы речевой коммуникации в сопоставительном плане и анализировать и фиксировать отношения в конкретной ситуации.

Исследование наиболее частотных конструкций разговорного языка на уровне коммуникации приведёт нас к новым выводам, дополняющим и обогащающим грамматический подход к данной проблематике.

Чтобы достичь намеченной цели, кроме базовых структур предложений важно учить прагматику в грамматике и определить основные правила ее употребления на практике в виде основных схем. Исходя из устно-разговорной формы текста, необходимо систематизировать функционально семантический материал в соответствии с грамматическими закономерностями языка.

Только таким образом можно прийти не только до полноценного владения иностранным языком, но и до адекватного перевода устно-разговорной формы текста. Из этой предпосылки вытекает и метод выделения инвариантного содержания, распространяемого на базовую структуру предложения и акту-

ализирующий контекст. Базовая структура предложений, т. е. определение их обязательных компонентов, является для нас исходным пунктом, составляющим центр коммуникации.

Речь идет, в первую очередь, о создании представления об основных правилах структуры простого предложения, которыми мы пользуемся в повседневной коммуникации, т. е. о минимальном субъектно-предикативном составе, который принят нормами синтагматической членимости русского языка на отдельные самостоятельные смысловые элементы, и о его сопоставлении с адекватным составом на чешском языке.

Ввиду того, что предикативная часть является носителем главной информации, глагол с опорой на контекст становится смысловым центром конструкции в контексте коммуникативной единицы.

Можно говорить о нейтральном порядке слов в словосочетаниях двучленных и многочленных, где мы стараемся описать главный член предложения, т. е. объем предикативного признака.

I. Понимание лингвистических факторов:

На уровне лингвистических факторов мы создаем базовые модели структур предложений, которые опираются на глагол в роли предиката и его обязательные и необязательные лексические спецификации, и проводим функционально-семантический анализ в сопоставлении с чешским языком.

Речь идет о следующих типах структур:

- 1) нулевая связка + имя существительное в именительном падеже в роли предиката
- 2) полнозначенательный глагол действия + имя существительное
 - а) в обязательном падеже без предлога в роли дополнения
 - б) в обязательном падеже с предлогом в роли дополнения
- 3) полнозначенательный глагол движения
 - а) без префикса + имя существительное с предлогом в роли обстоятельства
 - б) с префиксом + имя существительное с предлогом в роли обстоятельства

II. Понимание экстралингвистических факторов:

От полноценных структур, где в центре внимания находится предикация, мы переходим к проблемам прагматического контекста, связанного непосредственно с определенной социальной ситуацией, эксплицитно не выраженной. Речь идет прежде всего об описании минимальных коммуникативных единиц, которые имеют определенную структуру и по определенным правилам актуализируют основную базу предложения.

Актуализирующий контекст, т. е. модальность, устойчивые сочетания, действительные выражения помимо базовых структур являются непосредственным признаком адекватной коммуникации на языке перевода. Наличие прагматики сигнализируется непосредственно грамматическими средствами, как, например, местоимениями, наречиями, связками, частицами, порядком слов.

Именно сохранение прагматики синтаксических единств, т. е. комплексное понимание лингвистических и нелингвистических факторов, способствует выделению таких сегментов, которые гарантируют смысловую адекватность на языке перевода.

Применительно к прагматическому контексту необходимо предусмотреть следующее:

- квалифицировать содержащуюся в предложениях модальность, при помощи которой выражается личное отношение говорящего к высказыванию;
- описать эмоциональное отношение говорящего к сообщаемой в предложении информации;
- характеризовать личное отношение говорящего к предмету речи;
- описать функциональную вариантность прагматического контекста.

Внелингвистическую ситуацию мы стараемся разработать с различных точек зрения и обобщить в форме ситуационных моделей, действующих для каждого участника данной ситуации. Ввиду того, что очень мало внимания уделяется моделям ситуационных структур предложений, наша цель – систематически разработать супрасинтаксические и паралингвистические единицы (мимика, жесты и т.д.), т. е. единицы надстраивающиеся над языковыми единицами.

Речь идет прежде всего о правильном интерпретировании экстралингвистических факторов на языке перевода. Мы стараемся проследить и осмыслить минимальный прагматический контекст исходного языка и создать переводной эквивалент на уровне узуса. Решение вопроса прагматического аспекта перевода нам представляется очень важным, так как составной частью содержания является не только основное денотативное значение, но также дополнительные значения, учитывающие отношения участников коммуникативного акта, коннотативные элементы, определяемые экспрессивной окраской высказывания и т. п., сохранение которых способствует не только достижению максимальной адекватности текста на языке перевода, но и произведению на получателя соответствующего эффекта. В основном существует несколько видов отношений, напр., уверенность, реализация (нереализация) воли, готовность, желание, оценка говорящим того или иного предмета речи, эмоции и т. п.

Ввиду того, что на практике отсутствует типология отношений участников коммуникации, необходимо разработать модели коммуникативных конструкций и представить их ключевые речевые фрагменты на языке перевода.

Специфическим видом отношений можно считать, например, выражение желания. Речь идет об определенном виде отношения говорящего к адресату. Говорящий выражает свою мечту, просьбу сохранить вещи без изменений, или рассчитывает на их благоприятные изменения. Таким образом, на основе положительной или отрицательной оценки различаем желание реализуемое (исполнимое) с сопутствующими функциями и нереализуемое (неисполнимое).

Желание в русском языке охватывает следующие семантико-функциональные аспекты: реализацию желания (нереализацию желания) с сопутствующими функциями волеизъявления, угрозы, предупреждения и т. п.:

- 1) Нереализация желания определяется компонентами **если бы**:
Если бы она только не обещала!
- 2) Реализация желания, т. е. желание, которое может исполниться, выражается компонентами **скорее бы**:
Скорее бы каникулы!
- 3) Реализация желаемого – с сопутствующей функцией волеизъявления выражается компонентами **пусть (да – книжное)**:
Пусть он это сделает!
- 4) Реализация желаемого – с сопутствующей функцией угрозы выражается компонентом **чтобы**:
Чтобы я тебя больше не видел!
- 5) Реализация желаемого – с сопутствующей функцией предупреждения выражается инфинитивным предложением с дательным падежом:
Не опоздать бы мне.
- 6) Реализация желаемого – с сопутствующей функцией хотя бы одного события выражается компонентами **хоть бы**:
Хоть бы тебе куда-нибудь поступить.

Исходя из смысла данных устойчивых компонентов можно создать схему адекватных эквивалентов на языке перевода:

- а) *Если бы она только не обещала! Kdyby jen neslibovala!*
- б) *Скорее бы каникулы! Už aby tedy byly prázdniny!*
- в) *Пусть (да – книжное) он это сделает! Ať to udělá!*
- г) *Чтобы я тебя больше не видел! Ať tě tedy víckrát nevidím!*
- д) *Только(лишь) бы мне не опоздать! Jen abych nepřišel pozdě!*
- е) *Хоть бы тебе куда-нибудь поступить! Jen aby ses někam dostal!*

Кроме устойчивого словосочетания с выше указанными компонентами и – микроструктур с различной степенью выражения желательности, по определенной структурной схеме можно полностью фразеологизировать даже предложение и таким образом создавать определенное значение по структурной схеме. Ср.: *Нет (что)бы + инфинитив: Нет (что)бы помочь! Ne aby pomohl.*

Форма, структура и функционально-семантические признаки желательных конструкций, как вытекает из данных примеров, меняются в связи с определенной речевой ситуацией. Их неправильная интерпретация может привести к нарушению нормы речевого поведения или даже к неадекватной коммуникации на языке перевода.

Поэтому заранее необходимо различить смысловые нюансы данных конструкций и усвоить соответствующие конструкции на языке перевода, употребляя определенного рода переводческие приемы. Исходя из данных предпосылок, мы стараемся составить сборник упражнений, фиксирующий адекватное проявление отношений на языке перевода на основе адекватной актуализации смысла. Нашей целью является представление сферы функционирования устойчивых компонентов в конкретной ситуации общения и схематичная фиксация их переводных эквивалентов.

**ДОКЛАДЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ**

